

ГЛАВА 2

1. Южно-Уральская радиационная авария 1957 года: правда и домыслы

За более чем полувековую историю развития атомной энергетики в мире произошли четыре крупные аварии: в Англии – на атомной станции «Уиндскейл», в США – на атомной станции «Три-майл-Айленд», в Советском Союзе – в Чернобыле и в Японии – на атомной электростанции «Фукусима-1». Чернобыльская катастрофа, произошедшая 26 апреля 1986 г., считается одной из самых тяжелых техногенных катастроф на нашей планете и занимает особое место в истории мировой цивилизации. В этой аварии сфокусировались самые негативные результаты научно-технического прогресса, которые могут иметь место при неумелом руководстве по использованию современной техники и технологии.

Вместе с тем на протяжении длительного времени мало что было известно об одной из серьезнейших радиационных катастроф, которая произошла на Южном Урале почти за 30 лет до Чернобыльской трагедии – 29 сентября 1957 г. на секретнейшем объекте атомной промышленности – Государственном химическом заводе им. Менделеева.

Фактически все сведения об этой аварии тщательно скрывались официальными властями. Однако полностью засекретить информацию о радиационной трагедии оказалось практически невозможно. Прежде всего из-за большой площади загрязнения радиоактивными веществами и вовлечения в сферу послеаварийных работ значительного числа людей, многие из которых разъехались потом по всей стране. Слухи об «атомном взрыве», «ядерной аварии», о «взрыве атомного реактора» вблизи г. Кыштыма Челябинской области разошлись далеко за ее пределы, в том числе и за границу.

Сегодня установлено, что аналитико-разведывательным службам Запада факт аварии 1957 г. на Южном Урале стал известен достаточно скоро, но сведения об этом инциденте были скрыты от общественности, в первую очередь в США, под влиянием атомного лобби, не допускавшего дискредитирующего влияния потенциальных ядерных аварий на американскую программу атомных вооружений.²³⁴

Впервые об аварии в СССР сообщила 13 апреля 1958 г. копенгагенская газета «Берлингске Тунденде». Но это сообщение оказалось неточным. В нем утверждалось, что в марте 1958 г. во время советских ядерных испытаний произошла какая-то авария. Природа аварии не была известной, но она, как сообщалось в этой датской газете, вызвала радиоактивные выпадения в СССР и близлежащих государствах.

Несколько позже в докладе Национальной лаборатории США, расположенной в Лос-Аламосе, появилось предположение, что в Советском Союзе во время больших военных учений, якобы, произошел ядерный взрыв. На этот счет строились и другие догадки, выдвигались различные версии.

Только в 1976 г., спустя почти 20 лет после взрыва под Кыштымом, Жорес Медведев, ученый-биолог, сделал первое краткое сообщение об аварии на Урале в английском журнале «Нью-Сайентист».²³⁵

Эта публикация Ж. Медведева вызвала на Западе сенсационный резонанс. Первой реакцией читателей было неверие в возможность подобной аварии. Большинство западных экспертов заявило, что взрыв хранилища радиоактивных отходов невозможен, хотя при этом признавали, что после какого-то ядерного инцидента значительная часть территории Урала, действительно, стала загрязненной радионуклидами. Для объяснения причин всего этого снова выдвигались самые разные гипотезы и версии, отвергающие взрыв емкости-хранилища с радиоактивными отходами (РАО).

В 1979 г. в США вышла книга Ж. Медведева под названием «Ядерная катастрофа на Урале», в которой приводились некоторые подлинные факты, касающиеся аварии 1957 г. Но многие первоначальные оценки Ж. Медведева по целому ряду показателей были слишком устрашающими, далекими от истинного положения дел. Даже после появления уже откорректированной книги западные учёные не испытывали полного доверия к информации Ж. Медведева. Например, американские специалисты-атомщики продолжали считать, что проводились испытания советского ядерного оружия на Новой Земле, в результате которых радиоактивное облако опустилось на территорию Урала.

Почему именно Ж. Медведеву удалось в какой-то мере расшифровать тайну Кыштымской аварии? Оказывается, до 1962 г. он работал в закрытой биофизической лаборатории Тимирязевской сельскохозяйственной академии, сотрудничая с акад. В.М. Ключковским, который, в свою очередь, с 1958 г. и до своей кончины в 1971 г. был научным руководителем Опытной научно-исследовательской станции ПО «Маяк». В 1962–1973 гг. Ж. Медведев проводил исследования по радиационной биологии в Институте медицинской радиологии Академии медицинских наук в Обнинске, а затем в 1973 г. покинул страну и стал работать в Национальном институте медицинских исследований в Лондоне. От акад. В.М. Ключковского он и узнал о Кыштымской аварии и притом давно.²³⁶

Другой ученый Н.В. Ботов, работавший в 1960–1970 гг. в филиале Института биофизики в г. Челябинске, а затем эмигрировавший в США, утверждает, что Ж. Медведев почерпнул всю информацию об аварии в 1957 г. через однокашников по вузу и друзей, работая в НИИ радиационной медицины г. Обнинска Калужской области.²³⁷

Ж. Медведев, как утверждает тот же Н.В. Ботов, ошибался, когда писал, что на Западе не было известно об аварии 1957 г. до его высылки из СССР и первых публикаций 1976 г. Об этом, безусловно, знали разведки. Тем более, что на женевских международных конференциях конца 1950-х – начала 1960-х гг. в преддверии подписания Договора о запрете ядерных взрывов в военных целях группой советских ученых из атомного ведомства, в том числе из Челябинск-40, были прочитаны и опубликованы доклады.

Делалось тогда по принципу: что секретно для советского народа, то открыто для Запада, для их атомно-военных кругов. «Только дилетант, – как утверждает Н.В. Ботов, – но не специалист мог не понять, например, сути доклада И.А. Терновского. Об этом докладе знал и упоминал в журнале «Урал» сам же Ж. Медведев.²³⁸

В 1980 г. появилась статья американских ученых из атомного центра Ок-Риджа под названием «Анализ ядерной аварии в СССР в 1957–1958 гг. и ее причины». Ее авторы, известные специалисты-атомщики Д. Трабалка, Л. Эйман, С. Ауэрбах, впервые после Ж. Медведева признавали, что в СССР имела место крупная радиационная авария, связанная со взрывом радиоактивных отходов. Причем в своих анализах они не скрывали, что первоначальные доказательства факта аварии получили из рассекреченной информации, хранящейся в анналах ЦРУ. Наряду с достоверными сведениями Д. Трабалка, Л. Эйман и С. Ауэрбах приводили немало и полуправдивых данных, ошибочных версий. Оценки американских ученых, хотя и были близки к реальным, но, тем не менее, до 1989 г. не носили характера полной доказанности.²³⁹

В Советском Союзе факт взрыва на химкомбинате «Маяк» впервые подтвердили в июле 1989 г. на сессии Верховного Совета СССР. Затем были проведены слушания по этому вопросу на совместном заседании Комитета по экологии и Комитета по здравоохранению Верховного Совета СССР с докладом первого заместителя министра атомной энергетики и промышленности СССР Б.В. Никипелова.²⁴⁰

30 июля 1989 г. Межведомственный совет по информации и связям с общественностью в области атомной энергии опубликовал специальный бюллетень «Об аварии на Южном Урале 29 сентября 1957 г.».

Основными источниками появившейся информации об аварии являлись ранее секретные материалы, такие, как аналитический отчет «Изучение радиоэкологических, радиационно-гигиенических и социально-хозяйственных последствий массированного радиоактивного загрязнения больших площадей (1958–1984 гг.)», подготовленный специалистами ПО «Маяк» и челябинского филиала № 4 Института биофизики (ФИБ-4), а также монография «Итоги изучения и опыт ликвидации последствий аварийного загрязнения территории продуктами деления урана», тоже подготовленная коллективом ученых ФИБ-4.

В ноябре 1989 г. международная научная общественность была ознакомлена с данными о причинах, характеристиках, радиоэкологических последствиях этой аварии на симпозиуме Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).²⁴¹ На этом симпозиуме с основными докладами об аварии выступали специалисты и ученые с химкомбината «Маяк».

Таким образом, завеса секретности с радиационной аварии 1957 г. была снята. После этого на общественность обрушился буквально шквал информации об аварии, захлестнувший печать, радио и телевидение. Поток публикаций, сообщений продолжается и поныне как в нашей стране, так и за рубежом. По данным бюро научно-технической информации ПО «Маяк», только в 1997 г. более 20 газет Германии опубликовали статьи относительно событий сорокалетней давности.

Радиационную аварию 1957 г. в средствах массовой информации называют не иначе, как «Кыштымская ядерная катастрофа», хотя к старинному уральскому городу она практически не имела непосредственного отношения.

Во многих как зарубежных, так и отечественных публикациях допускалось немало различных суждений и вымыслов относительно причин, масштабов и последствий этой аварии. Так, французский журналист Жан-Франсуа Ожеро, который одним из первых зарубежных журналистов посетил химкомбинат «Маяк» и г. Челябинск-65 (40) (ныне г. Озерск Челябинской области), опубликовал в сентябре 1990 г. в парижской газете «Монд» довольно пространную статью. В ней автор утверждает следующее: «Для того, чтобы быстро изготовить атомную бомбу и оснастить армию ядерным оружием, высокоактивные отходы без колебания сливались в 16 емкостей по 160 м³ каждая, не имеющих даже защитных крышек. В сильный дождь емкости переполнялись, что не всегда вовремя замечали. Когда емкости переполнялись, их содержимое попадало в систему охлаждения, поэтому необходимо было в этом случае отключать ее и проводить мероприятия по дезактивации».

Во время одной из таких операций 29 сентября 1957 г. содержимое, нитраты и ацетаты стали осаждаться и разогреваться под воздействием радиоактивных отходов. Неожиданно произошло возгорание (по причине короткого замыкания?!) с выбросом около 20 млн кюри. Мощность взрыва была эквивалентна взрыву 500 тонн тринитротолуола».

Жан-Франсуа Ожеро встречался с руководством ПО «Маяк», ему детально рассказали об аварии 1957 г. Однако в своей статье он допустил целый ряд искажений, привел неверные данные. Заместитель главного инженера химкомбината, известный специалист по радиационной безопасности и экологии Е.Г. Дрожко, комментируя эту публикацию, отмечал: «В статье французского журналиста допущен ряд неточностей. В частности, объем емкости составлял не 160 м³, а 250. Попадание осадков в емкости исключалось, так как они были помещены в бетонных каньонах с перекрытием из бетонных же плит, с гидроизоляцией. Мощность взрыва была во много раз меньше».²⁴²

В связи с тем, что все сведения о радиационной аварии на ГХЗ содержались долгое время в строгом секрете, это способствовало распространению массы различных слухов и домыслов, искажающих причины, масштабы и последствия ядерной катастрофы на Урале. Как в зарубежных, так и в отечественных средствах массовой информации, научных публикациях не раз сообщалось о гибели большого числа людей во время аварии.

Так, в «Книге рекордов Гиннеса» в специальном разделе «Наиболее тяжелые в мире аварии и катастрофы» об уральской трагедии сказано: «Авария с ядерными отходами: выброс плутониевых отходов. Кыштым, СССР, приблизительно декабрь 1957 г. Число погибших: много, но не раскрыто».²⁴³ Здесь немало неточностей, даже время аварии указано ошибочно, ее последствия преувеличены. Ж. Медведев неоднократно утверждал в своих публикациях, что по его расчетам во время Кыштымской аварии должны быть сотни погибших. Он при этом ссылаясь на свидетелей, которые, якобы, рассказывали о том, что видели больницы, заполненные «очень тяжелыми» пациентами, у которых сходила кожа.²⁴⁴

Среди местного населения до сих пор распространено мнение о большом количестве людей, якобы, погибших или переоблучившихся во время аварии. Последующие после аварии смерти переселенцев из загрязненной зоны многие списывают, как правило, на счет радиации. С другой стороны, официальные органы, начиная с июля 1989 г., когда был раскрыт секрет радиационной аварии, утверждают, что во время аварии и спустя 10 лет после нее не было ни одного смертельного случая. Несмотря на все эти утверждения, продолжается недоверие к официальной информации.

Печать, радио, телевидение по-прежнему тиражируют различные мифы и вымыслы об этой трагедии. Вот что, например, сообщалось в газете «Комсомольская правда»: «Самый глобальный ужас случился в 1957 г., когда рядом с Кыштымом рванул секретный завод по производству атомного оружия, погубив народу более, чем Чернобыль».²⁴⁵

Несмотря на, казалось бы, установленные истины, научные выводы, нагнетание страстей, различных инсинуаций вокруг аварии продолжается. Так, в статье «Бешеный «Маяк», посвященной 40-летию трагедии, собственный корреспондент газеты «Труд» В. Писанов сообщил сенсационную версию о том, что «29 сентября 1957 г. в Челябинской области начался загадочный эксперимент на живых людях». Ссылаясь на жителей печально известного с. Муслимово, пострадавших от загрязнения реки Течи в 1949-1952 гг., но к радиационной аварии никакого отношения не имеющих, В. Писанов заявляет, что с нее чуть ли не начался эксперимент по изучению воздействия радиации на живых людей в естественной среде обитания.²⁴⁶

Все это, конечно, досужие вымыслы, ничего общего не имеющие с теми трагическими событиями, которые произошли более 60 лет назад на Южном Урале. Изучение документальных материалов, многочисленные беседы с ликвидаторами последствий аварии, ветеранами химкомбината «Маяк» подтверждают тот факт, что, действительно, во время аварии и после нее не было смертельных случаев. Никто не погиб как во время аварии, так и после прохождения радиоактивного облака над территорией Челябинской и Свердловской областей.

Чтобы получить определенное представление о степени изученности поднятой в настоящем издании темы, необходимо сделать историографический обзор основных исследований по данной проблематике.

К первой группе источников следует отнести работы, опубликованные в период до середины 1990-х гг.²⁴⁷ При отсутствии большей части рассекреченных документов на этом этапе данные публикации имели определенную ценность для исследователей истории атомной отрасли.

Следующую группу источников составляют научные исследования ученых, которые опубликовали свои результаты во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. Среди тех, кто внес большой вклад в историографию атомной проблематики, южноуральские исследователи – ученые-историки Новоселов В.Н., Толстиков В.С., Жарков О.Ю. Свои исследования они сосредоточили в основном на технических, политико-экономических и экологических аспектах истории реализации советского атомного проекта в Челябинской области.²⁴⁸

Особое место в историографии занимают труды доктора химических наук Сохиной Л.П. как непосредственного участника исследований, связанных с последствиями радиационной аварии на ГХЗ.²⁴⁹

Завершая краткий историографический обзор основных исследований по проблематике радиационного загрязнения отдельных территорий Урала и их последующей реабилитации, необходимо отметить, что во многих из них достаточно подробно освещались вопросы, связанные с событиями 60-летней давности. В каждой из этих публикаций освещались отдельные аспекты техногенной аварии на Урале, и каждая из них внесла свой вклад в поиск причин ее возникновения и позволила ученым и производственникам искать пути предотвращения подобных катастроф в будущем.

Что же произошло в действительности 60 лет назад на Южном Урале, если до сих пор это событие волнует как рядовых граждан, так и государственных, политических деятелей, ученых и специалистов многих стран мира и СМИ?

29 сентября 1957 г. в воскресный день в 16 часов 22 минуты по местному времени на ГХЗ им. Менделеева (с 4.03.1966 г. химический комбинат «Маяк»)²⁵⁰ взорвалась одна из емкостей, так называемая банка № 14 комплекса С-3, где хранились высокоактивные отходы. Взрыв полностью разрушил сварную емкость цилиндрической формы из нержавеющей стали, содержащую 70–80 т ЖРО. Эта емкость находилась в отдельном бетонном каньоне диаметром 9 метров и глубиной 7,4 м, толщина стен которого составляла около метра. Бетонная плита – перекрытие каньона весом в 160 т – была сорвана взрывом и отброшена на 25 м.²⁵¹

В результате взрыва банка № 14 оказалась полностью разрушенной, и высокоактивные отходы производства – ацетатный декантат (продукт 204) – были выброшены наружу. Этим же взрывом были сорваны и смещены в стороны бетонные крышки с соседних банок-емкостей.

Во многих отечественных и зарубежных средствах массовой информации мощность взрыва часто преувеличивалась. Если бы мощность взрыва соответствовала пятистам тоннам тротила, как писал французский журналист Ж.-Ф. Ожеро, неизбежно разрушились бы другие аналогичные емкости-хранилища, находившиеся рядом. В таком случае последствия аварии, ее масштабы могли быть гораздо более катастрофичными.

При этом следует отметить, что даже находившиеся поблизости работники ГХЗ не пострадали в момент взрыва. В тот день комплекс С-3 обслуживала дежурная бригада, в которую входили техник В.И. Комаров, аппаратчики М.А. Даранов и Д.И. Хорошев, машинист насосной станции по охлаждению комплекса В.М. Осетров и электромонтер Г.В. Кунакбаев. Эта злополучная смена началась как обычно в 13 часов 40 минут. Все пятеро хорошо запомнили момент взрыва.²⁵²

В.М. Осетров: *«Взрыв застал меня у цита с приборами. Сначала почувствовал сильное содрогание земли, потом услышал грохот, полетели разбитые стекла с большого окна, но меня с дверьми вынесло наружу».*

М.А. Даранов: *«Когда зашел за перегородку душевой, там уже был Кунакбаев. Помню: только взялся за вентиль, чтобы горячую воду открыть, услышал хлопок. Я еще подумал, что-то с крапом случилось, и тут же глухое «ф-ф-фук». За перегородкой услышали звон разбитых стекол».*

Г.В. Кунакбаев: *«Когда вышли из душевой, то увидели усеянный осколками пол и лежащие друг на друге ящики со спецодеждой. К выходу пошли по брошенным на пол комбинезонам».*

В.И. Комаров: *«Не дозвонившись до диспетчера, я вышел из комнаты. Взрыв застал меня в коридоре. Сначала подкинуло и бросило на пол, потом услышал звук удара. Встал и поспешил на улицу. На том месте, где возвышался холм комплекса С-3, стоял высокий столб пыли белого цвета, за которым ничего не было видно. От поднявшейся тучи стало темно. На фоне 150-метровой заводской трубы заметил летящую многотонную бетонную крышку, сорванную взрывом с емкости».*²⁵³

Тогда дежурной бригаде повезло, никто серьезно не пострадал. Вернувшись позднее в свою рабочую комнату, В.И. Комаров увидел следующую картину: стол, за которым он недавно сидел, был прижат свалившимся громоздким металлическим сейфом, а в стене зияла внушительных размеров дыра.

Служивший в свое время в армии В.М. Осетров, знакомый со взрывами не понаслышке, отметил, что по мощности он соответствовал 100 т взрывчатки.

В.И. Комаров в своих воспоминаниях приводит рассказ часового, находившегося в тот момент на вышке: «Только что стоял наверху – и вот уже лежу на земле. Кругом темно, ничего не видно. Автомат, который секунду назад был в руках, куда-то пропал».

На вопрос: «А было ли в момент взрыва страшно?» – все пятеро ответили, что нет. Страх пришел позднее, когда все увиденное прокручивалось в памяти много раз. Последствия аварии осознавались не сразу. Правда, В.И. Комаров сказал: «Знаете, в первый момент, когда я увидел перед собой облако, возникла страшная мысль: а не ядерный ли это взрыв? Но форма поднимающейся тучи никак не напоминала атомный гриб».

Во взорвавшейся емкости было 20 млн кюри радиоактивности, обусловленной стронцием-90, цезием-137, церием-144, цирконием-95, ниобием-95, рутением-106. Из хранившихся в 14-й емкости 2.0 млн кюри радиоактивности 10 % было поднято в воздух на высоту до одного км. Остальная часть отходов, 18 млн кюри, выброшенных из емкости, осталась на промышленной площадке, т.е. на территории ГХЗ. Радиоактивное облако, состоящее из радиоактивной пыли и капель раствора, покрыло многие промышленные объекты. В зону поражения попали реакторные заводы, новый строящийся радиохимический завод (объект 35), завод по производству радиоизотопов (объект 45), пожарная часть, военные городки и лагерь заключенных.²⁵⁴

Очень интересен, на наш взгляд, рассказ очевидца тех драматических событий, подполковника в отставке И.Ф. Серова, который приводит в своей публикации ветеран химкомбината, доктор химических наук Л.П. Сохина: «Я занимал тогда должность начальника химической службы и был в день взрыва дежурным по воинской части 3345, которая находилась всего в километре от реакторного завода. Рядом с нашим полком внутренних войск располагались полк строителей и лагерь заключенных. Всего в двух полках и лагере заключенных находилось около трех тыс. чел.

Тот день был солнечный и как никогда – теплый. Многие жители города находились на стадионе «Химик», где состязались две ведущие команды города за призовое место по футболу. Казалось, ничто не предвещало трагедии.

Примерно около 16 час. 20 мин. раздался сильный взрыв. От взрыва вылетели стекла из всех окон казарм, обращенных к фронту ударной волны, были сорваны металлические ворота. Все военнослужащие в первый момент выбежали на улицу, некоторые, считая, что началась война, побежали в оружейный парк за оружием. Часовой, который стоял у въездных ворот, прыгнул в канализационный колодец и занял там исходное положение. Когда я крикнул: «Рядовой Петренко, где вы?», он вылез из колодца и спросил меня: «Товарищ старший лейтенант, началась война?» Я ему сказал, чтобы он надевал противогаз и продолжал нести службу в проходной до моих дальнейших указаний. В это время в районе завода 25, там, где находилось хранилище радиоактивных отходов, поднялся огромный бурый столб пыли, который направлялся в сторону расположения нашего полка».²⁵⁵

Личному составу воинской части 3445 повезло, что дежурным офицером оказался начальник химслужбы полка. Он сразу же решил, что это или крупная авария, или диверсия на основном объекте, связанная с радиоактивным выбросом. Поэтому дежурный офицер приказал принять соответствующие меры: всех военнослужащих, кроме тех, кто нес караульную службу, немедленно отправили в казармы, закрыли выбитые окна всеми имеющимися средствами, налили на полы в казармах воды, чтобы не поднималась пыль, запретили выдачу пищи в столовой, все пищевые баки опечатали.

Как вспоминает И.Ф. Серов: «Военнослужащие выполняли распоряжения безупречно, молча, быстро и без всякой паники.

Через несколько минут после того, как солдаты полка ушли в помещение, густое черно-серо-бурое облако нависло над их казармами. Наступила темнота после яркого солнечного дня. Состояние людей стало ужасным. С изменением температуры воздуха и земли начались воздушные колебания, по разным направлениям, искусственные завесы на разбитых окнах стали срывать. Служебные собаки вели себя очень беспокойно и выли, птиц нигде не было видно.

Выпадение радиоактивных веществ в первые часы было очень интенсивным. На землю, здания падали довольно крупные частицы; мелкие, в виде хлопьев, продолжали выпадать и на следующие сутки».

Как только радиоактивное облако накрыло нашу часть, я срочно по телефону вызвал дозиметристов с завода 37. Они прибыли незамедлительно с дозиметрическими приборами, замерив зараженность территории, военнослужащих, казарм, заявили, что необходимо немедленно эвакуировать людей. Но команду по эвакуации дежурный дать не мог, так как это решение могли принимать только вышестоящие командиры. После проведения первоочередных мероприятий И.Ф. Серов доложил об обстановке в полку дежурному дивизии, командиру части, дежурному по Комитету государственной безопасности (КГБ) СССР, но никто из них не знал, что конкретно произошло, и решения никто не мог принять. Командир дивизии внутренних войск полковник Пташкин команду об эвакуации людей получил из Москвы только в начале следующих суток. 30 сентября в два часа ночи началась эвакуация военнослужащих и заключенных.²⁵⁶

Все личные вещи пришлось оставить на месте, что вызвало недовольство, особенно среди солдат-строителей. Многим из них предстояла демобилизация, и они на заработанные своим трудом деньги приобретали костюмы, музыкальные инструменты и многое другое. Теперь со всеми этими дорогими для них вещами пришлось расставаться.

Спешным порядком, на открытых бортовых автомашинах и в пешем строю основная масса людей была эвакуирована. В то же время, несмотря на сильнейшую загрязненность территории радиоактивными веществами, часть солдат продолжала нести караульную службу, осталась на своих постах. После эвакуации все военнослужащие прошли санитарную обработку, их переодели в чистую одежду. Как проводить санитарную обработку людей, толком не разъяснили. В жаркой бане солдаты внутренних войск мылись горячей водой несколько часов. В итоге такой санобработки радиоактивные вещества вошли глубоко в кожный покров. Результаты оказались неутешительными.

Очевидец всех этих событий подполковник И.В. Серов в течение 30 часов находился в зоне радиоактивного заражения. Как и все военнослужащие, он проходил санитарную обработку в воинской части. Мыться в бане ему пришлось несколько часов, но так и не удалось отмыться. Через двое суток у И.Ф. Серова открылась кровавая рвота, и на «Скорой помощи» его доставили в городскую поликлинику. Там врач Алипер (жена профессора Г.Д. Байсогорова, начальника Филиала института биофизики (ФИБ) № 1 – примеч. авт.) делала пострадавшему промывание желудка. И.Ф. Серов позднее рассказывал, что он просил промывную жидкость отправить на радиохимический анализ. Но врачи не стали делать анализ на радиоактивные вещества. Все это говорит о том, что ради сохранения секретности и сокрытия факта облучения, даже врачи поступали не гуманно.

При аварии подверглись облучению 1007 военнослужащих внутренних войск, из них 63 солдата получили облучение от 10 до 50 рентген. Они были поставлены на постоянное медицинское наблюдение, а 12 человек госпитализированы.²⁵⁷

Приказом по МВД СССР от 19 октября 1957 г. всему личному составу полка, попавшему под радиоактивное загрязнение, объявили благодарность, 85 военнослужащих наградили медалью «За отличную службу по охране общественного порядка». Еще 58 чел. получили денежные выплаты от 100 до 400 рублей.²⁵⁸

Врачи делали все возможное в то время, организовали отбор крови у облученных и наблюдали за всеми солдатами в течение нескольких месяцев, вплоть до самой их демобилизации. Уволившись в запас, молодые парни, разбехавшись по всей стране, со временем становились инвалидами, умирали, но, связанные подпиской о неразглашении тайны, оставались один на один со своей бедой.

Что касается заключенных, то их выводили из лагеря, где радиационная обстановка была также очень сложной. Гамма-поле от буханки хлеба в столовой составляло 50 микрорентген в секунду, а загрязненность территории доходила до нескольких тысяч микрорентген в секунду. Заключенных эвакуировали пешим порядком. На выходе из зоны загрязнения установили две большие палатки. В одной палатке из шланга пожарной машины смывали радиоактивную пыль с заключенных, а в другой выдавали чистую одежду. После санобработки заключенных группами размещали в других исправительно-трудовых лагерях. В ликвидации последствий аварии потом никто из них, не принимал участия.

Кроме военнослужащих, заключенных, радиоактивному загрязнению подверглись оружие, боеприпасы, транспортные средства и многое другое. 30 сентября 1957 г. под руководством подполковника М. Мещерякова началась эвакуация стрелкового оружия и боеприпасов из воинской части 3345. Как оказалось, часть оружия была очень сильно загрязнена радиоактивными веществами, и его пришлось зарыть в одном из котлованов. Менее «грязное» стрелковое оружие пытались отмыть. С деревянных частей его соскабливали стружку до белого цвета, металлические части чистили песком, наждачной шкуркой, но полностью отмыть не могли, а загрязненное радиоактивными веществами оружие военно-окружной склад не принимал. В результате пришлось нести службу

солдатам внутренних войск, которые охраняли атомные объекты, с загрязненным радиоактивными веществами оружием.

В расположении воинских частей на площадке находились служебные собаки, лошади, свиньи – все они были тоже очень «грязные», их пришлось уничтожить.

Но один солдат – конюх – решил спасти свою любимую лошадь и увел ее в другой караул, держал там в сарае. Лошадь по кличке Грим продолжала работать – возить дрова, пищу.

«Примерно через два месяца после аварии, – вспоминает подполковник в отставке И.Ф. Серов, – я увидел Грима и ужаснулся, я знал этого коня как самого здорового тяжеловоза, а здесь увидел понурую лошадь с опущенной головой. Шерсть на спине Грима облезла, на спине были язвы. Гамма-поле от коня было очень высокое. Замечательный конь сам стал источником радиации и с большой жалостью с ним пришлось расстаться».

В момент взрыва в районе ГХЗ дул порывистый юго-западный ветер. Его скорость в приземном слое составляла 5 м/сек., на высоте 500 м – 10 м/сек. С этой скоростью воздушные массы из района Госхимзавода двигались в направлении Багаряка, Каменска-Уральского, пройдя расстояние до них за 3–4 часа.

Два млн кюри радиоактивности, подхваченные сильным юго-западным ветром, разнесло по лесам, озерам, полям на площади более 20 тыс. км² Челябинской, Свердловской и Тюменской областей. Радиоактивное облако достигло района Тюмени через 6–8 часов после аварии. Полностью процесс формирования радиоактивного следа (без учета последующей миграции) закончился в течение 11 часов после взрыва.²⁵⁹

По своим масштабам и последствиям радиационная авария 1957 г., приведшая к массированным выбросам радиоактивных веществ в атмосферу, оценивается специалистами как одна из крупнейших в мире. По современной международной классификации радиационных инцидентов и аварий она имеет индекс «шесть» по семибалльной шкале, и относится к тяжелым авариям.²⁶⁰ Она принесла немало горя и страданий жителям ряда регионов Челябинской и Свердловской областей, участникам ликвидации ее последствий.

В ходе работ по ликвидации последствий радиационной аварии многие люди от рядовых исполнителей до руководителей высокого ранга впервые столкнувшись с невиданными и неслыханными раньше явлениями и процессами. Причем далеко не все из них осознавали подлинный их смысл, драматизм происходящих событий.